

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ

Воспроизводство социального статуса в России: выделение стабильных групп¹

К.В. БЕРДЫШЕВ

Статья раскрывает содержание эмпирического исследования проблемы воспроизводства социального статуса. Выдвигается гипотеза о том, что реальную статусную иерархию в России периода трансформации можно аппроксимировать с помощью социетальной классовой концепции, предполагающей, что члены класса воспроизводят свои статусные позиции. Для проверки этой гипотезы используются данные представительного опроса 2002 г.

Социальное воспроизводство и социальная структура в России: постановка проблемы

Тема социального воспроизводства является одной из классических областей прикладных исследований в западной социологии и идет рука об руку с такими крупномасштабными разделами социологической теории, как «классовая» социология, социальная стратификация, социология труда и занятости (occupational sociology). Тем не менее стабильность экономической, политической и социальной структур американского и ряда европейских государств привела к тому, что в 1990-х годах интерес западных исследователей к процессам социального воспроизводства ослаб. Исследования воспроизводства сменились исследованиями социальной мобильности, т. е. феномена обратного воспроизводству. Во многом данный поворот скрывает и политическую составляющую, т. к. всеобщая мобильность сопоставляется с открытостью, либеральностью общества, в то время как воспроизводство с закрытостью, классовостью.

В российской науке перед нами предстает другая картина. В советский период социология претерпевала жесткое давление идеологического и политического догмата, в результате чего исследования классовой структуры общества и социальной стратификации ограничивались узким кругом проблем. Изучение динамики и воспроизводства социальной структуры сводилось в основном к изучению рода занятости и трудового пути. Проблема наследования социаль-

¹ Статья подготовлена под руководством научного руководителя диссертационного исследования автора статьи — д. и. н., профессора О.И. Шкаратана.

ного статуса и власти от поколения к поколению не привлекала должного внимания отечественных социологов, так как, во-первых, была политически некорректной, а во-вторых, советское общество обладало высоким уровнем стабильности трудового пути — трудоустройство фактически контролировалось государственным аппаратом.

Ситуация резко изменилась с началом перестроечного периода и реформ 1990-х годов. В условиях ослабления всех видов государственного контроля тема социального расслоения и распределения власти в реформируемой системе общества привлекла внимание научной общественности. Тем не менее большинство исследователей сосредоточили свои усилия на изучении новых социальных групп и властных элит. Все исследования этих периодов не ставили своей целью именно изучение социального воспроизводства или воспроизводства социального статуса. Дело в том, что «новая» структура общества, ставшая результатом как реформ, так и стихийных изменений, только начинает «остывать» и приобретать стабильность. Исследователи, занимавшиеся указанной темой в 1990-е годы, столкнулись с обществом, находящимся в состоянии кризиса и аномического шока, вызванного распадом СССР и крушением старых ценностей. Постсоветское общество изучалось на стыке культур и в условиях высокой неопределенности как для общественных масс, так и для самих ученых—исследователей. Таким образом, проблема изучения динамики распределения статуса, хотя и чрезвычайно важна для отечественной науки и изучения еще незавершившихся процессов реформ, не была исследована должным образом.

Построение теоретической схемы воспроизводства социального статуса

При подготовке данной статьи мы использовали данные массового опроса, проведенного в 2001 г. группой исследователей под руководством О.И. Шкаратана. Опрос был проведен в рамках проекта, посвященного изучению характера и факторов социального воспроизводства в период с 1990 по 2002 г. Исследователям удалось выявить наиболее важные факторы социального расслоения, их значимость для процессов социального производства, иерархию статусных групп, а также наличие межпоколенческой динамики социального статуса [Социальное расслоение 2003].

Полученная по результатам опроса информация представляет собой срез — обобщение, построенное на основании *интегральных* показателей власти, собственности и культурного капитала. Мы постарались проникнуть в суть процессов воспроизводства глубже, прибегнув к изучению воспроизводства через принадлежность к группе и воспользовавшись для этого классификационным подходом. Планировалось проанализировать имеющиеся у нас данные и осмыслить вопрос, каким образом развивалась статусная динамика групп с момента начала реформ по сегодняшний день. При этом предполагалось оценить уровень социального воспроизводства, получить классификацию групп, воспроизводящих свой статус, и, наконец, проверить связь полученной группировки с принадлежностью к социально-демографическим поколениям. Основным вопрос данного исследования можно переформулировать так:

повлекли ли события социальных реформ возникновение особой долгосрочной динамики социального статуса или наблюдаемые в 1990-е годы изменения — лишь отражение культурного шока и экономического кризиса. Воспроизведут ли себя традиционные советские социальные слои в новом обществе с приходом стабильности, пускай и в видоизмененной форме?

Говоря о таком фундаментальном, но в то же время чрезвычайно дискуссионном предмете, как социальная структура, мы неизбежно сталкиваемся с теоретическим плюрализмом. При этом из той массы теоретических предпосылок, которые фигурируют у различных авторов, к единому «ядру», пожалуй, можно отнести только аксиому о существовании в обществе устойчивых групп, представители которых обладают единым социальным положением и частично это осознают, в то время как сами группы могут быть размещены в некотором иерархическом пространстве. Как и любая аксиома, данный тезис является необходимым, но недостаточным утверждением для построения логической модели общества. Принимая такую предпосылку, мы фактически принимаем классовую концепцию общества.

Большинство исследователей согласится, что существует ряд ситуаций, когда представители одной группы переходят в другую, т. е. изменяют свое социальное положение. Называть ли эти ситуации «социальной мобильностью», принимая предпосылку об открытости общества, или же говорить о них в контексте проблемы «социального воспроизводства» со ссылкой на предположение о наследуемости социального статуса и сопутствующих ему характеристик, — зависит от исследователя. Как мы увидим далее, выбор исследователя нередко сказывается на эмпирическом инструментарии, а следовательно, и окончательных выводах. В остальном же представление о том, что есть класс, сводится к представлению о том, что есть общество и что есть устойчивое объединение людей или группа.

Перед нами стояла гораздо более узкая практическая задача — построить эмпирически проверяемую типологию групп, содержащихся в постсоветской России, и, используя доступный нам статистический аппарат, оценить применимость такой типологии к процессам воспроизводства.

Определить общий теоретический контур используемого подхода представляется уместным. Не скроем, что некоторые использованные нами западные публикации датируются серединой прошлого века, но мы отсылаем к ним сознательно. Как мы уже говорили, проблематика социального воспроизводства пережила пик своего развития в Европе и США намного раньше, чем в России (где этот пик, возможно, еще не наступил).

Класс как реальность и как теоретический конструкт

Прежде всего необходимо отграничить понятие реальной и теоретической социальной группы (класса), т. к. мы будем иметь дело со вторыми. Когда индивиды и семьи действуют и реагируют друг на друга как равные, превосходящие или уступающие в контексте общественного поведения; говорят о себе и своих семьях в соотношении с другими, обозначая при этом статусный ранг; когда можно найти четкие символы, наделенные разной социальной «стоимостью», которые могут быть «прикреплены» к человеку (репутация или социальное

участие) — тогда речь идет о реальном классе. Тем не менее социологу, проводящему количественные исследования, такой класс недоступен, поскольку отношения между индивидами не укладываются в привычную для нас опросную методологию.

В рамках опросной методологии мы можем работать с другим классом — теоретическим идейным конструктом. Выделяются три стандартных формы класса:

1. *Априорная дефиниция* — когда существование класса и соответствующие ему характеристики мы постулируем, основываясь исключительно на теории.

2. *Классификация* — отличается от дефиниции тем, что мы распределяем индивидов по группам, основываясь на их близости в пространстве статусных признаков. Однако само признаковое пространство задается нами априори.

3. *Индексный подход* — позволяет нам, пользуясь структурными уравнениями, изучать, скорее, само признаковое пространство, нежели группировку индивидов. Индекс показывает либо взаимосвязь статусно значимых переменных, приписывая индивиду (семье) количественный уровень статуса, либо оценивает уровень престижа. В любом случае результат интерпретируется как рейтинг.

Таким образом, понятие класса возникает только тогда, когда стратификационная теория соприкасается с эмпирической информацией. Сама по себе система мотивированного поведения людей слишком многомерна для того, чтобы быть вписанной в четкую и ясную классификацию на макроуровне. Говоря о классе, мы неизбежно говорим о теоретической аппроксимации поведения людей в обществе. В нашей работе мы воспользовались классификационным подходом. Его применение потребовало дополнительного обоснования в контексте стратификационных теорий.

Стратификация и динамика статуса в российском обществе

Необходимо было оттолкнуться от некоторой теоретической концепции воспроизводства социального статуса в России. Разработки проблемы воспроизводства социального статуса в нашей стране, предложенные российскими исследователями, естественным образом оказываются более адекватными с эмпирической точки зрения. Не стоит забывать и о советской истории изучения данного вопроса.

Исследования советского периода чаще всего фокусировались на межпрофессиональных и межотраслевых перемещениях населения. И сегодня (при том, что современная теория стратификации ушла далеко вперед) профессиональные аспекты мобильности остаются одними из базовых. Не стоит забывать о соотношении процессов социального воспроизводства и (или) социальной мобильности с естественными (в том числе с воспроизводством населения и его репродуктивным поведением) и механическими (миграции) аналогами, как советуют В.И. Лукина и С.Б. Нехорошков в своей работе «Динамика социальной структуры населения СССР. Методология и методика исследования» [Лукина, Нехорошков 1982]. Исследования советского периода могут оказаться полезным подспорьем при формулировании гипотез, например, относительно спектра факторов, определяющих социальные

процессы, протекающие уже в современном российском обществе. Роль социального происхождения, места проживания родителей, социально-профессионального типа семьи родителей, первоначальной профессионально-квалификационной принадлежности индивида, — роль этих и многих других факторов исследовалась и в дореформенной России [Черноволенко, Паниотто 1984]. С учетом предполагаемой нами актуальности процессов воспроизводства социального статуса данные такого рода особенно важны. Соотнесение с ними информации настоящего времени поможет определить характер произошедших трансформаций социальной структуры, получить сопоставимые индикаторы воспроизводства социального статуса.

Несмотря на аналитическую значимость исследований советской социальной структуры, в рамках данной работы нас интересуют исследования, которые оценивают долгосрочные институциональные процессы передачи и воспроизводства власти именно в России.

Существует множество подходов к изучению структуры советского и постсоветского обществ.

Нас в первую очередь интересовали работы исследователей, охвативших в своих обзорах как дореформенный, так и послереформенный периоды; и, соответственно, предложивших решение по поводу характера пореформенных изменений социальной структуры.

Особую значимость для нас имеют работы О.И. Шкаратана, Т.И. Заславской, В.В. Радаева, В.И. Ильина, Н.М. Римашевской. В работах этих авторов зачастую прослеживается превалирование этакратического подхода к воспроизводству социального статуса. Учитывая, что на результатах теоретических и эмпирических исследований этих авторов и в ракурсе именно этакратического подхода мы выстраивали свою схему изучения воспроизводства социального статуса, обратимся к содержанию их работ чуть более подробно.

Этакратическая приватизация: воспроизводство власти в новой системе

Прежде всего, нас интересовал этакратический подход к воспроизводству статуса. Данный подход к пореформенным российским изменениям широко представлен в работах О.И. Шкаратана [Радаев, Шкаратан 1996; Шкаратан 2004]. Автор предлагает говорить о том, что советская этакратия, стоявшая у власти и управления капиталом, *воспроизвела* свое социальное положение. Именно наследуемость или устойчивость в отношении к капиталу является одним из признаков класса, а следовательно, мы либо должны принять точку зрения, что классов в советском обществе не было; либо должны признать, что классы в советском обществе были и они продолжают существование и по сей день как социальные общности или структуры. Такая позиция отнюдь не исключает возможности крупномасштабного перераспределения капитала и возникновения новых элит, а также видоизменения статуса. Однако можно предположить, что претерпеваемые Россией «рыночные» структурные изменения создают новые группы именно в масштабах импортируемых институтов собственности и рынка; старые же классы и властные элиты сохраняют свое положение в иерархии, отчуждая часть капитала, власти или полномочий для создания и поддержания элементов новой системы.

О.И. Шкаратан указывает на то, что приватизация 1992 г. не была неожиданным для представителей этакратии изменением. Напротив, представители управленческих групп постепенно присваивали себе легитимные права на вверенную им собственность уже с 1985 г. Также говорится о начале формирования неформального рынка и неформальной занятости с 1980-х годов в управляющем классе и сфере услуг, т. е. среди профессионалов.

В 1990-е годы выделяются и новые властные группы — новые собственники или «новые русские». В основе этих групп оказались как бывшие номенклатурные чиновники, причастные к принятию новых законов и внедрению новых институтов, так и новые специалисты в области финансов, рынков, управления, которые, пользуясь своим особым экспертным знанием, осуществляли крайне выгодные финансовые и рыночные операции. Владельцы крупного капитала берут под свой контроль средства массовой информации. Эти особые символическое знание и символическая власть дают новым элитам ключ от новой системы перераспределения. Тем не менее говорить о многочисленности новых групп не приходится. Новые элиты так и не смогли образовать новый класс — средний класс, в соответствии с западной традицией состоящий из высококвалифицированных профессионалов, менеджеров и владельцев мелкого капитала и при этом приносящий государству основной объем прибыли. Основная власть и крупный капитал остаются в руках бывшей советской этакратии, трансформировавшейся в класс собственников. Этот класс номенклатурного капитализма берет под свой контроль и малочисленные группы элит, создавая рыночные барьеры для самостоятельной деятельности новых специалистов в роли предпринимателей и предлагая им отношения наемного труда [Радаев, Шкаратан 1996].

Аналогичным образом рассматривает систему посткоммунистической трансформации российского общества и Т.И. Заславская. За тем лишь исключением, что большая роль в реализации потенциала перестройки присваивается средним слоям. Автор применяет термин «слои», и мы можем предположить, что эти группы фактически представляют собой на данный момент группы полуэлит, находящихся на пути к формированию среднего класса [Заславская 1996, Римашевская 2000].

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на разнообразие форм перестроечного приспособления и адаптации бывших советских слоев, в современном российском обществе наблюдается субординация групп. Различные социополитические кланы, наделенные «конкурентной» властью в первые годы перестройки, смогли найти свое место в иерархии новой структуры. Бывшее этакратическое правление, заняв в современном обществе позиции собственников крупного капитала и крупных чиновников фактически сохраняет и поддерживает власть над капиталом, в то время как группы, поддерживающие власть эксэтакратического аппарата (новые профессиональные элиты и криминалитет), хотя и занимают привилегированное положение, но остаются «наемными» работниками высокооплачиваемого труда. Даже частные предприниматели среднего звена, не говоря уже о мелком бизнесе, исполняют роль «управляющих», так как они настолько зависимы от бюрократической системы либо криминалитета, что вынуждены отдавать им огромную часть прибыли и не будут способны удержать свой бизнес и свое имущество в

противном случае. Оставаясь номинальными собственниками, по факту они лишены права собственности. Огромная же группа населения сосредоточилась в социальных массах — то, что Заславская называет базовым слоем. Причем положение ряда групп резко ухудшилось, так как система общественных благ и «принудительной» реабилитации маргинальных слоев перестала функционировать при переходе к открытому рынку. Общественные блага перешли в руки сферы обслуживания: врачей, учителей, местной управы и мелких чиновников. Со ссылкой на работы Н.М. Римашевской можно говорить о том, что в условиях ослабления государственного контроля и коррупции возник неформальный рынок формально бесплатных благ, которые фактически стали благами рыночными, что, естественно, привело к перераспределению в их потреблении [Римашевская 2000].

Несколько по-другому подходит к проблеме социального расслоения В.И. Ильин. Автор считает, что в советском обществе была сформирована система «без классов» и отрицает существование «социалистического рынка» [Ильин Интернет-ресурс]. Он говорит, что структура общества формируется в результате принятия административно-властных решений, а не свободного обмена. Рабочий класс и крестьянство объединяются в одну большую группу, не являющуюся, по мнению Ильина, классом, так как они не вовлечены в рыночные механизмы отчуждения труда в обмен на вознаграждение. Вознаграждение назначается свыше и не является предметом торга. Стратификация советского общества определяется как бюрократическая.

Ильин подтверждает точку зрения рассмотренных выше авторов о власти бюрократического правления, или этакратии. Автор совершенно справедливо замечает, что в советском обществе не было среднего класса или средних слоев в их западном понимании как группы наемных работников, претендующих на высокий уровень добавочной стоимости в силу ценности предлагаемого ими на рынок труда. Причину этого автор видит в том, что в советской системе собственником человеческого капитала являлось государство, которое сохраняло большую часть прибавочной стоимости. Как следствие, индивид, не оплачивающий свое образование как при приобретении его на рынке, не являлся полноправным собственником своего человеческого и символического капитала. Иными словами, средние слои, хотя и отличались характером труда и уровнем символической власти от рабочего класса, находились в сходном положении по характеру вознаграждения.

Ильин указывает на существование неформальной сферы в советском обществе, причем не только на уровне бюрократии и этакратической власти, но среди сферы обслуживания, крестьянства и пролетариата. Эта неформальная сфера заключалась в применении вверенных в пользование государственных средств производства для достижения личных интересов. Такая неформальная экономика, по сути, сливалась с бюрократической и функционировала как бюрократическая, отличительной чертой являлось только превалирование личных интересов и нелегальные механизмы потребления и сбыта (приписывание или списывание, эксплуатация в нерабочее время, система взяток и взаимозачетов, явочная приватизация). Тем не менее теневая структура была сильно зажата в рамках легальной и не представляла для нее серьезной конкуренции.

Каким же образом такая бесклассовая структура с бюрократическим правлением и развитой неформальной сферой может измениться при переходе

к «свободному» рынку? Ильин считает, что с приходом рыночной системы началось формирование классов из советских групп и слоев. Бюрократическое сообщество трансформируется в *класс* собственников. Механизмом этой трансформации стали процессы приватизации, как явные, так и латентные, предшествовавшие явным. Представители этакратии использовали весь свой капитал (экономический, социальный и символический) для того, чтобы сосредоточить в своих руках контрольные пакеты акций, тем самым закрепляя за собой легальное право на распоряжение капиталом.

Ильин говорит также о формировании средних слоев как класса наемных работников, претендующих на добавленную стоимость или дивиденды за использование своего культурного или символического капитала. Однако в новой системе не все люди, обладающие культурным капиталом старой системы, смогли этот капитал сохранить. Видоизменилась сама культура товарно-денежных отношений, а следовательно, культурный капитал требовал обновления, включения в новую институциональную систему. Хотя многие представители старой сферы обслуживания сохранили свой культурный капитал и смогли предложить его правящим элитам (журналисты и сотрудники телеканалов, спортсмены и т. д.), большая часть советских средних слоев не имела возможности адаптироваться к новой экономической системе как из-за запаздывания реформы системы массового образования под новый строй, так и из-за общего экономического кризиса, явившегося следствием неэффективного управления. Не все представители советской этакратии выдержали конкуренцию на новом «конкурентном» поле экономической игры. В советской системе частнособственнические интересы бюрократического управления уравнивались общей целеполагающей волей верховной государственной власти. В период же перестройки государственная воля ослабла, произошла демонополизация насилия, и бюрократические собственники, объединяясь в кланы, вступили в конкурентную борьбу между собой. Множество предприятий оказываются экономически нерентабельными. Масса узкоспециализированных специалистов теряет рабочие места и оказывается наравне с депривилегированными группами на рынке труда [*Ильин* Интернет-ресурс].

Хотелось бы заметить, что выбирая в качестве теоретической платформы нашего исследования этакратический подход, мы лишь действуем в рамках конкретного социологического проекта. Иные подходы к анализу социальной мобильности и социального воспроизводства при этом не теряют своей уместности. Более того, мы просто обязаны принимать их во внимание, чтобы сохранить критическое отношение к выбранному нами способу анализа и не потерять из виду его ограничения.

Интересной в смысле рассогласования с этакратическим подходом представляется, например, точка зрения Н.Е. Тихоновой.

Тихонова выстраивает свою концепцию на предположении о том, что в условиях российского общества переходного периода процессы социальной мобильности превалируют над процессами социального воспроизводства [*Тихонова* 1999, *Тихонова* 2000]. Как следствие, «унаследованные от дореформенного периода» характеристики респондентов не только перестают влиять на их сегодняшнее положение, но и не могут являться основанием для стратификации общества. Среди потерявших значимость факторов автором

называются имущественное положение, образование и профессиональный статус. Предполагается, что в основе современной дифференциации российского общества лежат личностные характеристики его членов: возраст, уровень здоровья, уровень образования и место жительства респондента в данный момент времени и определяют его позицию в социальной структуре. Не стоит забывать и о менталитете — «индивидуальная мобильность психики», как указывает Тихонова, серьезно изменяет шансы на преодоление шока, связанного с трансформациями общества, а значит, и скорость адаптации к новым условиям. Несмотря на нивелирование некоторых детерминант социального воспроизводства, Тихонова не отрицает, что современная социальная структура российского общества имеет в своем составе не только новые группы. Автор говорит о том, что, например, персональный состав правящих элит сегодня не сильно изменился. Здесь лишь произошла внутригрупповая дифференциация, в результате которой положение некоторых элитарных слоев определяется «унаследованной от старого общества системой статусов», тогда как для других элитарных слоев «решающим стал признак собственности». Обращаясь к стратификации «рядового» населения, Тихонова отмечает крайне важный для нашей работы момент. Она указывает на то, что для разных групп и в зависимости от периода решающими оказываются различные критерии классификации. Помнить об этом необходимо, особенно когда перед нами стоит задача выделения гомогенных и одновременно с этим устойчивых социальных групп. Тихонова предполагает, что в формировании современной социальной структуры российского общества решающую роль сыграли не столько социально-профессиональные, сколько личностные группировочные факторы.

В заключение поясним, что приведенный нами список авторов, работающих с проблематикой социальной структуры современного российского общества, как в ракурсе социальной мобильности, так и в приложении к процессам воспроизводства социального статуса, безусловно, не является исчерпывающим. За рамками данной статьи остались, например, наработки З.Т. Голенковой [Голенкова 1997; Голенкова 1996], М.Ф. Черныша [Черныш 1994] и других авторов. К сожалению, не охвачены в статье и самые свежие данные, связанные с именами Ю.А. Левады и Т. Шанина [Отцы и дети 2005]. Формат работы не позволяет нам уделить большее внимание теоретическим подходам, поэтому на время оставим теорию и перейдем к описанию схемы эмпирического исследования, представлению результатов которого и посвящена данная статья.

Цели, задачи, гипотезы исследования

Как уже говорилось ранее, мы опирались на материалы исследований социального воспроизводства, проведенного под руководством О.И. Шкаратана (участники исследования — В.А. Бондаренко, Ю.М. Крельберг и Н.В. Сергеев). Исследовательская группа провела анализ данных массовых опросов 1994 и 2002 гг. Применялся комплексный индексный подход, позволяющий построить на основании информации о родительском статусе семьи индивида, его образовании и роде занятости на различных этапах жизни числовой коэффициент, отражающий социальный статус. Далее полученное с помощью индекса статусное

пространство было проанализировано как с помощью регрессионного подхода, так и с помощью методов кластерного анализа. В результате исследователям удалось выявить наиболее важные факторы социального расслоения, их значимость для процессов социального производства, а также сгруппировать на основании индекса группы, наделенные властью, и отследить влияние социально-демографического фактора. Остались открытыми вопросы о том, насколько полученная модель иерархии социальных групп, сконструированная на основании *интегральных* показателей власти, собственности и культурного капитала, соответствует реальности, и насколько однородны полученные группы в исходном пространстве статусных признаков [Бурдые 1993, Solga 2001].

В данном исследовании мы попробовали ответить на следующий целевой вопрос: *существуют ли в российском обществе крупномасштабные группы индивидов, обладающие однородными профилями статусной динамики и при этом значимо различающиеся между собой по уровню предписанного статуса и возрасту?*

Нам предстояло проанализировать имеющиеся у нас данные опроса, пользуясь при этом методикой, отличной от использованной в работе Бондаренко [Бондаренко 2002].

Учитывая широкую критику в адрес индексного подхода в социологии, мы обратились к другой традиции статистического анализа — классификации, активно используя при этом методы анализа нечисловой информации. Ожидалось получить типологию групп, основанную на профильном изменении критериев статуса респондентов в *исходном* пространстве изучаемых признаков, не прибегая при этом к априорным *числовым* конструктам. Перед нами стояла задача: проанализировать исходное, теоретически обоснованное пространство признаков, оцениваемых с помощью массового опроса «Как живет сейчас россиянин» 2003 г., и повторно проверить гипотезы, выдвинутые О.И. Шкаратаном в исследовании 2002 г., используя для этого различные аналитические методики.

На основании анализа отечественных пореформенных исследований и результатов работы группы наших прямых предшественников были выдвинуты следующие гипотезы:

1) Стратификационная структура современного российского общества сохраняет и воспроизводит на макроуровне основные категории советского общества. Предполагается, что в современной России мы можем наблюдать следующие масштабные старые и новые группы, каждой из которых соответствует определенный характер жизненного пути или статусная динамика, отражающая в соответствии с концепцией Голдорпа социальное неравенство через неравенство в жизненных шансах [Goldthorpe 1987]:

а) класс распорядителей капитала: этакратия, трансформировавшаяся из «управленцев» в класс легальных собственников. При этом новые «капиталисты» сохраняют бюрократический характер власти, основанный, скорее, на социальном, нежели экономическом, капитале, т. е. на связях и причастности к принятию важных государственных решений, а также на несении ответственности за соблюдение и исполнение государственной воли (в том числе норм налогообложения и права);

б) класс обслуживания капитала — владельцы культурного капитала, не имеющие решающего права на распоряжение производственным капиталом,

но получающие высокую добавочную стоимость за свой труд: мелкие и средние предприниматели, специалисты в области рынков и финансовой системы, менеджеры, бюрократы нижнего и среднего звена, организованные теневые, преступные и силовые группировки, охранные структуры. Это сравнительно «молодой» в демографических терминах класс, и мы совершенно определенно не можем назвать его средним классом общества ни в плане численности, ни в плане культурной однородности. Различные роды занятости, преобладающие в этой группе, как правило, связаны с повышенными рисками.

с) Класс квалифицированных наемных работников умственного и технического труда без высокой добавленной стоимости за культурный капитал. В основном это неадаптировавшиеся к новой системе специалисты. Сюда можно отнести различных технических специалистов, людей, занимающихся сбором и обработкой информации.

д) Класс низкоквалифицированных и неквалифицированных работников малооплачиваемого труда. Группа людей, которую мы условно можем обозначить как «пролетариат». Эта группа занята монотонной, не требующей специальных навыков работой.

е) Слабозащищенные маргинализированные группы (безработные и без постоянного места работы, пенсионеры, люди, занимающиеся натуральным хозяйством, наемные рабочие, получающие зарплату ниже прожиточного минимума). Эта категория мало наблюдалась в советском обществе, так как находилась на содержании государства, довольствуясь массой общественных благ и принудительной системой занятости. В современном же обществе эти группы, обладающие наименьшим человеческим капиталом, маргинализировались и представляют собой наиболее низкие в системе стратификации слои со сложившимся непроизводительным менталитетом.

2) Род занятости, уровень образования, тип поселения, измеряемые на различных этапах жизни индивида, адекватно описывают статусную динамику индивида.

3) Предписанный (врожденный) статус индивида и дата его рождения неслучайным образом взаимосвязаны с профилем динамики его статуса на протяжении жизненного пути.

4) Приобретенный (достигнутый в результате трудовой деятельности на момент опроса) статус индивида неслучайным образом взаимосвязан с профилем динамики его статуса на протяжении жизненного пути.

Для проверки выдвинутых гипотез о структуре воспроизводства статуса в российском обществе нам предстояло выбрать и операционализировать переменные, отвечающие за род занятости, уровень образования, тип поселения, самооценку материального положения; проанализировать по ним всю генеральную совокупность. После этого требовалось построить матрицу переходов, отражающую, сохранен или изменен статусный признак при переходе от одного этапа жизненного цикла к другому. Полученное пространство дихотомических признаков (переходов) было проанализировано с помощью методов уменьшения размерности пространства на предмет наличия «профильных» характеристик перехода. С учетом наличия в генеральной совокупности гетерогенности по изучаемым признакам нам необходимо было выбрать эмпирический метод группировки индивидов и определиться с желаемым количеством групп. Затем

было важно построить профили полученных групп по характеристикам перехода (т. е. описать типовые профили статусной динамики групп), а также проверить, существует ли между выделенными группами профильное различие, доступное для интерпретации. В дальнейшем необходимо было проанализировать распределение переменных, соответствующих врожденному и приобретенному статусу в полученных группах, а также возраста с целью проверки гипотез об их взаимосвязи с профильной динамикой статуса индивида на протяжении его жизненного пути.

Схема анализа данных

Операционализация понятий

В итоге проведенной операционализации понятий и вопросов анкеты нами были получены десять переменных, являющихся индикаторами статусной динамики. За неимением места мы оставим процесс операционализации понятий за скобками. Скажем только, что были построены шкалы для образования, типа населенного пункта и рода занятости на разные моменты времени. В анкетах используемого нами опроса для оценки статусной динамики предусмотрен ряд ретроспективных вопросов, призванных оценить вышеуказанные характеристики в различные моменты жизни индивида. Такой подход к изучению жизненного пути обладает как преимуществами, так и ограничениями (более подробно о панельном и ретроспективном дизайне исследований в социологии см. Х. Сольга) [Solga 2001, p. 291].

Мы использовали 4 набора вопросов, отсылающих к следующим моментам времени:

- 1) «прошлому» родителей и положению родителей в детстве респондента;
- 2) к моменту, когда респондент пошел в школу;
- 3) к моменту, когда индивид начал свою трудовую деятельность;
- 4) к настоящему и ближайшему прошлому.

К особенностям также стоит отнести шкалу рода занятости [Шкаратан 2004], а также то, что в располагаемых нами результатах опроса имелись данные как о матери, так и об отце респондента, при этом данная информация была переведена в один набор переменных, отражающих каждый раз родителя с более высоким статусом.

Сконструированные переменные оценивали компоненты статуса на протяжении жизненного пути индивида в статике. Чтобы построить динамическую модель, необходимо было задать логическую структуру связей между переменными, указывающую на порядок или последовательность их возникновения. Наша модель носила априорный характер. То есть такая логическая структура связей между состояниями объекта в ретроспекции основана только на теоретическом знании, подтвержденном, однако, рядом рассмотренных нами эмпирических исследований. Кратко прокомментируем проблемы, связанные с используемой нами структурой.

1) Момент времени, на который изучаются статусные характеристики родителей, определен таким образом, что хронологически может варьироваться очень сильно для различных респондентов.

2) Разница в возрасте родителей и детей может варьироваться кардинальным образом для различных респондентов.

3) Структура лишена единой хронологии для разных статусных индикаторов. То есть в нашей графической структуре есть пустые ячейки.

4) Отрезок времени от момента начала трудовой деятельности до момента опроса сильно варьируется в изучаемой совокупности как в рамках астрономического времени, так и по своей социальной значимости.

Все эти проблемы рассматривались в работах П. Блау и О. Дункана [*Blau, Duncan 1967*]. Надо отметить, что в данной работе они не разрешены. Характер информации, используемой в нашем исследовании, более совершенен только в том смысле, что наша логическая структура более детально отражает жизненный путь индивида. Тем не менее, имея представление об отклонении показаний прибора, прибор можно использовать. На схеме 1 мы можем видеть графическую репрезентацию применяемой нами структуры.

Эмпирическая оценка представленной на схеме 1 структуры проводилась по следующей схеме. Для каждого перехода, обозначенного в вышеприведенной схеме стрелкой, была создана отдельная переменная, равная разнице между той переменной, к которой совершается переход, и той, от которой совершается переход. Учитывая «псевдопорядковый» характер используемых шкал, такая новая переменная показывает разницу в рангах двух связанных переменных. Если она равна нулю, то ранг не изменился, если больше нуля, ранг увеличился, если меньше — уменьшился. В результате мы получили семь следующих переменных:

1) переход от родительского места жительства к месту жительства на момент учебы в школе;

2) переход от места жительства на момент учебы в школе к месту жительства на момент начала трудовой деятельности;

3) переход от места жительства на момент начала трудовой деятельности к месту жительства на момент опроса;

4) переход от рода занятости родителей на момент начала работы респондента к роду занятости респондента в тот же период;

5) переход от рода занятости респондента на момент начала работы к его роду занятости на момент опроса;

6) переход от образования родителей к образованию респондента на момент начала им трудовой деятельности;

7) переход от образования респондента на начало трудовой деятельности к образованию на момент опроса.

Все полученные переменные позволяли судить только о том, на сколько рангов респондент повысил/понижил изучаемую характеристику при переходе, либо, что он ее не изменил. Поясним, что одинаковое количество рангов изменения не всегда означает равное изменение статуса, т. к. используемые нами шкалы «псевдопорядковые» и расстояния между рангами не равны. Ранговые шкалы различных групп переменных (типа населенного пункта, рода занятости и образования) обладают как разным числом рангов, так и разной смысловой

Схема 1 Логическая структура модели социального воспроизводства

Моменты времени Компоненты статуса	Прошлое родителей	Момент поступления в школу	Момент начала трудовой деятельности	Момент опроса
Тип населенного пункта	• Где жили родители в детстве	• Где жил респондент, когда пошел в школу	• Где респондент начал трудовую деятельность	• Где проживает респондент на момент опроса
Род занятости			• Кем респондент начал свою трудовую деятельность • Чем были заняты родители, когда респондент начал трудовую деятельность	• Чем занят респондент сейчас
Образование	• Образование родителей		• Образование респондента, когда он начал работать	• Образование респондента на момент опроса

нагрузкой рангов. Это означает, что пользоваться полученными переменными перехода в первоначальном виде как количественными оценками мы не имели права. Как следствие принято решение использовать полученные оценки не в качестве информации о том, насколько индивид улучшил свое положение, а как информацию о том:

- 1) улучшил ли индивид свое положение;
- 2) ухудшил ли индивид свое положение;
- 3) сохранил ли индивид свое положение.

Разница в степени повышения или понижения ранговой характеристики осталась за пределами нашего внимания. Возможные потери информации об объекте в таком случае были платой за возможность использовать в модели только сопоставимую информацию и отказ от необоснованного приписывания «псевдопорядковым» шкалам характера числовой информации.

Совершенно очевидно, что три вида информации о каждом из переходов носят дихотомический характер. Соответственно каждая из семи переменных перехода была перекодирована в три дихотомических переменных. В результате мы получили три набора по семь дихотомических переменных.

1) Набор из семи переменных, отражающих воспроизводство статуса. Переменная в наборе равна 0 — если индивид не изменил при переходе ранг статусного критерия; и 1 — если изменил.

2) Набор из семи переменных, отражающих восходящую вертикальную мобильность. Переменная в наборе равна 0 — если индивид не повысил при переходе ранг статусного критерия; и 1 — если повысил.

3) Набор из семи переменных, отражающих нисходящую вертикальную мобильность. Переменная в наборе равна 0 — если индивид не понизил при переходе ранг статусного критерия; и 1 — если понизил.

4) На основании каждого из этих трех наборов переменных и будет проведена классификация генеральной совокупности с целью выявления групп со схожими профилями статусной динамики (подробнее о применении и анализе матриц дихотомических переменных, отражающих изменение в номинальных и порядковых шкалах, см.: [Von Eye, Schuster 2002]).

Модель классификации

Получив пространство переменных, отвечающих за статусную динамику, мы предположили, что распределение в матрице переходов для генеральной совокупности обладает единым характером. Тогда наличие или отсутствие динамики в одних переходах связано с наличием динамики в других переходах.

Для всех вычислений нами использовался статистический программный пакет SPSS версии 11.0.1.

Классификация индивидов на основании дихотомических признаков проводилась при помощи метода иерархического агломеративного кластерного анализа. В качестве меры близости между объектами использовался смешанный момент корреляции, предложенный Карлом Пирсоном (коэффициент корреляции Пирсона). Первоначально коэффициент использовался в качестве метода определения зависимости переменных, но затем его применение было обосновано в количественной классификации при вычислении схожести между объектами. Значение коэффициента корреляции изменяется от -1 до +1, причем нулевое значение указывает, что между объектами нет связи. Коэффициент корреляции Пирсона оценивает форму, т. к. он нечувствителен к различиям в величине переменных, используемых для вычисления коэффициента, а только к изменению. Такая ситуация происходит из-за неявной нормировки каждого объекта по всем переменным. В результате коэффициент будет равен единице, когда профили (вектор значений признаков объекта, графически изображаемые в виде ломаной линии) двух объектов по описывающим их переменным абсолютно одинаковы².

В качестве метода связи был выбран метод «дальнего соседа», т. к. он в наибольшей мере способствует выделению обособленных групп, а нам требовалось получить профили статусной динамики, максимально отличающиеся друг от друга.

Заметим, что на разных этапах из анализа были исключены:

- 1) Все индивиды, которые еще не начали свою трудовую деятельность.

² Строго говоря, коэффициент Пирсона может применяться только для интервальных переменных, однако его применение для дихотомических переменных также обосновано, так как имеет вероятностный смысл. Корреляция Пирсона тем ближе к единице, чем больше совпадений в двух наборах дихотомических переменных, при этом учитывается вариация. То есть коэффициент не будет большим, если его применить, к примеру, для двух наборов бинарных переменных, один из которых состоит полностью из единиц, а другой содержит небольшой процент нулей. В аналогичной ситуации коэффициент встречаемости покажет большое значение. Коэффициент Пирсона показывает уровень встречаемости только тех дихотомических переменных, которые являются вариативными относительно большинства, что в нашем случае должно помочь выделить различные профили.

2) Все индивиды, не ответившие хотя бы на один из десяти вопросов, используемых для построения переходов (из-за невозможности соотнесения таких индивидов в изучаемом нами пространстве признаков).

В конечный анализ вошел 1451 индивид из 2414 (всего было исключено 963 индивида).

Презентация результатов исследования

Перейдем к рассмотрению и презентации полученных результатов. Нами было получено три типологии индивидов на основании их статусной динамики. Две из них были вспомогательными. Для анализа социального воспроизводства потребовалась типология, группирующая индивидов на основании того, были воспроизведен или изменен статус. Типология, основанная на оценке сохранения либо изменения статуса, включила 8 групп, представленных на Табл. 1.

В результате статистического анализа был сделан вывод о том, что две группы стабильно воспроизводят свой статус³. Это группы № 4 и № 6.

Группа № 4 состоит преимущественно из людей, не менявших тип поселения, в котором они проживают в течение жизни, а также не изменивших ни образование, ни род занятости с момента начала трудовой деятельности до момента опроса. Это многочисленная *немобильная* группа, представители которой не склонны к крупномасштабным изменениям в течение жизни. При анализе распределения рода занятости на момент опроса удалось установить, что в этой группе значительно больше представителей квалифицированного физического труда, нежели в остальных группах (43,3 %), но массовой принадлежности членов группы к какому-либо типу поселения не наблюдается. Также нет однозначного отличия данной группы от других по уровню образования, среднему уровню дохода и среднему возрасту. В целом группу можно охарактеризовать как группу *специалистов квалифицированного физического труда, не склонных с течением жизни менять свою квалификацию*. Мы условно обозначим ее как группу или класс «квалифицированных рабочих».

Группа № 6 — менее многочисленная, нежели группа «квалифицированных рабочих» (№ 4). В нее вошли преимущественно индивиды, родившиеся и получившие начальное образование в населенном пункте, аналогичном по типу поселения, откуда родом их родители. Также представители этой группы воспроизвели уровень образования и род занятости их родителей. Группа не имеет серьезных отличий от других групп по уровню дохода, роду занятости и

³ Стоит отметить, что рассматриваемые нами группы изучались по непрофилирующим признакам с помощью процентных перекрестных таблиц. Мы не прибегали в большинстве случаев к тестовой традиции анализа частотных распределений, так как на большой выборке статистические тесты часто показывают, что частоты встречаемости величин распределены случайным образом, при отличии перекрестных частот в 2—3 %. Для нас же такая разница не несет интерпретируемой смысловой нагрузки. При анализе каждой конкретной группы было важно выделить не просто случайные, но характерные, ярко выраженные по сравнению с другими группами отличия. Такие черты, свойственные большому числу членов группы, могут дополнить ее профиль, что представляется особенно ценным.

Таблица 1. Типология социальных групп по профилю воспроизводства социального статуса

	1	2	3	4	5	6	7	8
1. переход от родительского места жительства к месту жительства на момент учебы в школе;	3%	0%	46%	46%	92%	0%	56%	23%
2. переход от места жительства на момент учебы в школе к месту жительства на момент начала трудовой деятельности;	81%	5%	6%	26%	71%	40%	36%	57%
3. переход от места жительства на момент начала трудовой деятельности к месту жительства на момент опроса;	13%	50%	15%	23%	31%	34%	46%	100%
4. переход от рода занятости родителей на момент начала работы респондента к роду занятости респондента в тот же период;	99%	94%	91%	54%	100%	0%	19%	78%
5. переход от рода занятости респондента на момент начала работы к его роду занятости на момент опроса;	63%	24%	98%	0%	0%	52%	100%	63%
6. переход от образования родителей к образованию респондента на момент начала им трудовой деятельности;	79%	100%	77%	69%	71%	24%	77%	33%
7. переход от образования респондента на начало трудовой деятельности к образованию на момент опроса.	35%	33%	50%	23%	26%	38%	4%	2%
Число людей в группе	130	315	355	314	72	58	113	94

Примечание. В ячейках указан % людей, изменивших признак при переходе. Значения процента членов группы, изменивших признак при переходе, равные от 0 % до 30 %, отмечены курсивом; а от 70 % до 100 % — жирным шрифтом⁴.

⁴ Обратим внимание на то, что нас интересовали лишь те группы, которые устойчиво воспроизводят свой статус.

образованию на момент проведения опроса. В ней присутствуют представители всех родов занятости с различным образованием. Отличительной особенностью группы является высокий, относительно других групп, процент жителей мегаполисов (39,7 %) и районных центров (32 %) среди ее представителей, а также относительно низкий процент жителей села (5,2 %). То есть данную группу можно охарактеризовать как группу «коренных горожан».

Отдельно можно выделить группу № 2 — это многочисленная группа, представители которой не воспроизвели род занятости и уровень образования родителей. Тем не менее эти люди выросли, получили образование и начали трудовую деятельность в населенном пункте, аналогичном по используемой нами типологии населенному пункту, в котором родились их родители. Более того, представители группы преимущественно не меняли с течением жизни рода деятельности. Поэтому мы решили данную группу оценить как *немобильную*. Возможно, что отсутствие воспроизводства родительского статуса носит номинальный, а не реальный характер. В целом группа не обладает отличительными чертами относительно других групп. Но при анализе распределения типа населенного пункта, в котором жили родители респондента, выяснилось, что родители более 53 % респондентов в этой группе — жители городов, что сильно отличает ее от других групп. Возможно, данная группа является аналогичной группе «коренных горожан» (№ 6), а изменение рода занятости и образования по сравнению с родительскими определяется общим ростом жизненных шансов в городах. Мы проанализировали распределение значений дихотомических переходов для вертикальной восходящей мобильности между нашими группами воспроизводства и пришли к выводу, что в группе, о которой сейчас идет речь, большая (относительно других групп) доля респондентов повысила свое образование по сравнению с родительским (50 %), и повысила его с момента начала трудовой деятельности до момента опроса (32 %). Такая ситуация может быть результатом реформ образования или повышения уровня и квалификации городской занятости в целом. Не удивительно, что рост или модернизация индустрии могут привести к массовому повышению требований квалификации и образования для новых членов трудового сообщества. В результате к разряду групп, стабильно воспроизводящих свое социальное положение, мы можем отнести 47,3 % совокупности, вошедшей в анализ. В противном случае данная доля составит 25,6 %.

Итак, на основании того набора переменных, который был включен в анализ, в действительности, удалось выявить крупномасштабные социальные группы, воспроизводящие свой статус. Однако мы должны признать, что специфика выбранных переменных и используемая нами схема анализа позволили выявить только крупномасштабные группы. Не только различные элиты, как справедливо замечает Дж. Голдорп, не могут быть адекватно представлены в результатах массового опроса, но и просто малочисленные группы, если мы не имеем особого подхода для их выделения [Goldthorpe 1987]. Наша модель, основанная на анализе воспроизводства рода занятости, не смогла обнаружить группы владельцев капитала, чиновников и высококвалифицированных специалистов, отвечающих за импорт западных социальных институтов. Однако то, что нам вообще удалось зафиксировать воспроизводство статуса за столь длительный период, после целой череды реформ, внушает надежду в будущее

подобных исследований. Не стоит забывать и об обнаруженной нами группе «квалифицированных рабочих».

Что касается соотношения роли предписанных и приобретенных статусных характеристик в детерминации воспроизводства социального статуса, то здесь по результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что отдельные характеристики как предписанного, так и достигнутого статуса имеют отношение к процессу статусного воспроизводства. Так если говорить о предписанных статусных характеристиках на примере возраста, то на основании анализа среднего возраста, во всех группах присутствует значительный процент представителей разных когорт.

Заметная неоднородность распределения представителей различных когорт потребовала от нас дополнительной статистической проверки, для которой был выбран непараметрический критерий Крускала—Уолиса. Можно сказать, что на пятипроцентном уровне значимости ($\alpha = 0,05$) мы вынуждены отвергнуть гипотезу о том, что группы обладают однородным распределением признака принадлежности к возрастным когортам. Говоря другими словами, наша группировка неслучайным образом связана с исторически обусловленными периодами рождаемости и опосредованно с периодами социализации, получения образования и вступления в трудовую жизнь индивида. В свою очередь достигнутые статусные характеристики, как минимум в виде рода занятости и уровня образования, также проявили свою неслучайность относительно процесса воспроизводства социального статуса.

В целом, рассмотрев полученную картину воспроизводства с теоретической и методологической точек зрения, можно с уверенностью сказать, что род занятости, уровень образования и тип поселения, измеряемые на различных этапах жизни индивида, связаны между собой и представляют единую картину статусной динамики. Они позволяют выделить группы, стабильно воспроизводящие свое социальное положение в обществе.

Особенно значимыми факторами, определяющими стабильное воспроизводство статуса, являются *специализированный физический труд* (как это видно на примере группы «квалифицированных рабочих») и *принадлежность к коренному городскому населению* — группа «коренных горожан».

Это не означает, что данных характеристик достаточно. Для более совершенного и более глубокого изучения воспроизводства нам могут потребоваться такие характеристики, как динамика потребления индивида (концепции П. Бурдые и Г. Маркузе), динамика отношений индивида с профессиональным и локальным сообществами (концепция П. Блау), фактор динамики субъективного восприятия индивидом своего статусного положения, наконец, динамика экономического положения индивида и легального статуса (концепция П. Сорокина). Существует множество индикаторов, позволяющих оценить и сравнить эти характеристики на момент опроса. Но какие из них можно эффективно применить в глубокой ретроспекции и каким образом сопоставить их значимость для поддержания статуса в различные моменты жизни индивида и жизни *российского общества*? Как и многие другие, данный вопрос остается пока открытым и требует дальнейшего изучения.

Таблица 2. Процентное распределение представителей возрастных когорт внутри групп

	1	2	3	4	5	6	7	8
50 лет и старше	30%	23%	22%	19%	20%	30%	17%	40%
35 — 45 лет	49%	47%	44%	40%	39%	43%	63%	43%
25 — 34 лет	21%	30%	34%	41%	41%	27%	21%	17%

Анализ результатов исследования

Выводы, полученные в результате проведенного анализа, показали, что большинство выдвинутых нами гипотез имеют эмпирическое основание. В рамках данного исследования мы можем сказать, что в современном российском обществе существуют *крупномасштабные группы*, которые, несмотря на социальную нестабильность в период реформ 1990-х годов, *воспроизвели свое социальное положение*, основанное на роде занятости, уровне образования и условиях проживания (типе поселения). Стоит отметить, что объем групп, в которых произошли серьезные изменения данных параметров, также велик. Соотношение немобильных и мобильных групп в нашей модели практически совпадает. Что это означает?

Либо мы сталкиваемся с крайне высоким уровнем социальной мобильности как отклонения от воспроизводства социальной структуры, либо используемая нами схема сбора и анализа социологической информации далека от совершенства. Ограничения метода сбора информации, структура вопросника, используемые шкалы; характер и дизайн выборки; специфика статистической обработки данных (тот объем информации о предмете исследования, которым мы жертвуем в пользу обобщения выводов); неверная интерпретация — лишь некоторые причины, способные вызвать смещения. И ни от одного из перечисленных смещений в своих оценках исследователь полностью не застрахован.

Для дальнейшего изучения проблемы целесообразно оценить ряд альтернативных статусных критериев и на их основе сопоставить положение ряда групп в советском и в современном российском обществах. Российское общество обладает принципиально отличным историческим наследием. Механизмы определения государственных и общественных приоритетов и целей, механизмы *распоряжения капиталом; производственные отношения и отношения власти, распределения и обмена*, — все эти институциональные структуры, играющие ключевую роль для системы социальной стратификации, носят в России особый характер, прочно связанный с уникальной социальной культурой. Вполне вероятно, что *классические индикаторы, применяемые в западных исследованиях стратификации и социального воспроизводства США и Западной Европы, не позволяют полностью отследить динамику групп в России.*

Планируя оценить воспроизводство статуса среди элит, нам необходимо прибегнуть к альтернативным, нежели массовый опрос, методам сбора информации: опросу по *особой* выборке либо к экспертным опросам. Может пригодиться и качественный материал. Нельзя подходить к изучению процессов

распределения и перераспределения капитала только с позиции масс, исторически отчужденных от капитала.

Наша модель учитывала динамики общих сдвигов в распределении изучаемых признаков с течением времени. То есть проблема включения исторического и динамического контекстов общественного развития в модель по-прежнему остается нерешенной.

В российском обществе, терпящем структурные реформы и изменения институционального характера, положение многих социальных слоев ухудшилось [Заславская 1996; Ильин Интернет-ресурс; Римащевская 2000], однако, с другой стороны, возникновение новой рыночной системы распределения позволило ряду групп, ранее носивших латентный теневой характер, резко улучшить свое легальное положение [Шкаратан 2004; Заславская 2002]. Соответственно для углубленного анализа социальной динамики необходим расширенный набор информации об индивидуальном жизненном пути. Необходимо обратиться к изучению всех социальных слоев как стабильных, так и нестабильных в своем социальном положении.

В исследовании мы применяли *классификационный подход* к выделению социальных групп по профилям жизненного пути. Однако помимо априорной дефиниции, индексного подхода и классификации, предложенных К. МакГайром [McGuire 1950], существует также целый раздел вероятностных моделей, применимых для изучения воспроизводства статуса. Предполагается, что при построении правильной схемы сбора и анализа данных эту группу методов можно будет в дальнейшем применить для изучения данной проблемы и сопоставить результаты с уже имеющимися.

Проблема воспроизводства социального статуса: что дальше?

В современной России продолжается активное реформирование институтов экономики и административного управления. Осуществляется активный импорт социальных институтов США и западноевропейских стран, однако их культурное приятие российским населением и уровень индивидуальной адаптации к изменениям сильно различаются. Множество россиян *не интегрированы в новую систему экономических отношений и производства*, что приводит к снижению экономической эффективности нашей страны. Государство ставит одной из важнейших задач *формирование новой системы мотивации* различных групп в обществе.

Для решения данной задачи необходимо дальнейшее изучение динамики существующих в обществе групп или «классов», обладающих единым социальным положением, а соответственно и схожей мотивацией. Однако формирование мотивации крайне сильно связано с индивидуальными ожиданиями граждан в отношении перспектив их жизни, карьеры, экономического и социального роста. То есть государству необходимо обеспечить как стабильность социального положения групп с хорошим достатком, так и возможности для улучшения материального и социального положения слабо обеспеченных групп.

В этой связи исследования социального воспроизводства и социальной мобильности имеют значение для совершенствования методов управления. Исследования социального воспроизводства позволяют нам определить, какие группы в обществе относительно стабильны и, как следствие, хорошо мотивированы, а какие меняют свое положение. Проблема заключается в том, что большой процент россиян не обладает стабильностью жизненного пути.

Подробная информация о специфике восходящей и нисходящей социальной мобильности необходима для постановки целей и задач государственной социальной политики, для принятия решений по поддержке отдельных групп и слоев населения, а также для построения системы перераспределения доходов.

Как показывает западная практика, исследования социального воспроизводства и социальной мобильности позволяют глубже рассмотреть социальное неравенство в обществе и обнаружить конфликты интересов. *Интегративная* функция является одной из основных функций государства, т. е. государство должно поддерживать единство и сплоченность гражданского общества. Сегодня в России напряжение, вызванное расслоением общества на «бедных» и «богатых», а также людей старой и новой систем, достигло высокого уровня. Мы видим причину такой ситуации в несоответствии осуществляемой государством социальной политики ожиданиям масс. Изменения, возникшие в период реформ 1990-х годов в сфере предоставления населению всеобщих социальных благ, привели к резкому изменению стабильного жизненного пути слабо защищенных слоев населения, что, в свою очередь, привело к культурному и ценностному кризису.

Решение данной проблемы требует более широкой информации о характере распределения социальных привилегий, власти, собственности и капитала, а также об их взаимосвязи с жизненными шансами и мотивацией в обществе.

Литература

- Бондаренко В.А. Эмпирическая модель воспроизводства социальной структуры // Мир России. 2002. № 4.
- Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Голенкова З.Т. Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве // Междунар. лонгитюд. проект «Пути поколения»: третий этап [З. Голенкова, Е. Знобищева, Р. Муракас и др.] / Отв. ред. М.Х. Титма. М., 1997.
- Голенкова З.Т. Трансформация российской структуры и стратификация российского общества. М., 1996 (2-е изд. 1998).
- Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1996. № 1.
- Заславская Т.И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 4.
- Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ (1917—1996 гг.) (опыт конструктивистско-структуралистского анализа) URL: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/strata/1.htm>

- Лукина В.И., Нехорошков С.Б. Динамика социальной структуры населения СССР. Методология и методика исследования. М.: Финансы и статистика, 1982.
- Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Римашевская Н.М. Народонаселение как фактор национальной безопасности / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ. 2000.
- Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / О.И. Шкаратан, В.А. Бондаренко, Ю.М. Крельберг, Н.В. Сергеев. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура российского общества: итоги восьми лет реформ // Общественные науки и современность. 2000. № 3.
- Тихонова Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 1997. № 5.
- Черноволенко В.Ф., Паниотто В.И. и др. Семья и воспроизводство структуры трудовой занятости (опыт социологического исследования). Киев: Наукова думка, 1984.
- Черныш М.Ф. Социальная мобильность в 1986—1993 годах // Социологический журнал. 1994. № 2.
- Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004.
- Шкаратан О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. № 1.
- Шкаратан О.И. Социальные реалии России начала 2000-х годов. Предварительные итоги представительного опроса россиян // Модернизация экономики России: Социальный контекст: В 4 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 3. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Blau P.M., Duncan O.D. The American Occupational Structure. N.Y.; L.; Sydney, 1967.
- Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- McGuire C. Social Stratification and Mobility Patterns // American Sociological Review. Vol. 15. No. 2 (Apr., 1950).
- Solga H. Longitudinal Surveys and the Study of the Occupational Mobility: Panel and Retrospective Design in Comparison // Quality & Quantity. Aug. 2001. Vol. 35. Issue 3.
- Sorokin P.A. What is a Social Class? // Class, Status and Power. Social Stratification in Comparative Perspective / Ed. by R. Bendix, S.M. Lipset. L.: Routledge, Kegan Paul LTD, 1967.
- Von Eye A., Schuster C. Log-Linear Models for Change in Manifest Categorical Variables // Applied Developmental Science. Jan. 2002. Vol. 6. Issue 1.